С. М. СОЛОВЬЕВ

<О присоединении Вл. Соловьева к католической церкви>

<...> В начале 1896 г. Соловьев решился на тайное присоединение к католической Церкви. В то время в Москве жил русский католический священник восточного обряда, Николай Алексеевич Толстой, родственник поэта А. Толстого, знакомый Соловьеву по салону С. П. Хитрово. Окончив Московскую духовную академию в сане православного священника, Н. А. Толстой, не без влияния идей Вл. Соловьева, принял католичество греческого обряда. Соловьев нашел в нем католика, близкого по духу, которому глубокая убежденность в истине католицизма не мешала всем сердцем любить и понимать православную Церковь. Толстой имел часовню у себя на квартире в одном из переулков Остоженки. 19 февраля 1895 г., в день памяти св. Льва Великого, особенно чтимого им римского папы, Соловьев принял причастие из рук о. Толстого. Перед обедней он прочитал Тридентский символ веры [1]. За обедней присутствовал Дмитрий Сергеевич Невский, молодой человек, тайно принявший католичество и получивший в Галиции сан иподиакона. Невский окончил два факультета: математический и филологический по классическому отделению, мечтал посвятить себя древней философии, но С. Н. Трубецкой отнесся к нему холодно и не оставил при университете. Невский окончил жизнь учителем латинского языка в Ярославле.

О присоединении Соловьева к католической Церкви Толстой напечатал сам в «Московских ведомостях» 21 августа 1910 г. Мне лично этот факт был всегда известен, я слышал о нем и от моего отца, и от Невского. Вскоре после причащения Соловьева Толстому пришлось в переодетом виде, в брюках Невского и в шубе Соловьева, убежать за границу. Помню, как Владимир Соловьев, придя к нам, рассказывал за обедом: «Сейчас я, надев на отца Толстого мою шубу, отвез его на Николаевский вокзал». В Пе-

тербурге Толстой получил заграничный паспорт через иностранных послов и морем отплыл в Рим. Для всякого католика причащение Соловьева у католического священника и прочтение им Тридентского символа веры есть присоединение к Римской церкви. Но как смотрел сам Соловьев на это событие своей жизни? Обратимся к фактам. После причащения у Толстого Соловьев ни разу не приступал к таинству до самой смерти, когда, во время болезни в Узком, позвал православного приходского священника. Невский рассказал мне, что на вопрос, почему Соловьев не обратился к одному из польских или французских священников, тот отвечал: «Вы — молодой человек, Вам легко оторваться от родных традиций. А я подожду, пока приедет в Москву какой-нибудь русский католический священник». Н. Толстой находился в изгнании и жил в Риме и во Франции. Второй русский католический священник, о. Алексей Зерчанинов, томился в крепости. Других в то время не было. Дело было опасное и требовало большой осторожности. <...> Некоторые, например С. Н. Булгаков[2], предполагают, что Соловьев хотел практиковать intercommunion, то есть причащаться вперемежку у православных и католических священников. Это предположение невероятно. Да и практически едва ли Соловьев нашел бы в то время православного священника, который дал бы ему отпущение грехов после принятия им Тридентского символа веры. А отказаться от этого исповедания Соловьев не мог, что уже раз доказал, когда не был допущен к причащению прот. Орловым. Остается признать, что мысли Соловьева по церковному вопросу в то время были смутны. Католический священник Иоанн Дейбнер передавал мне, что, когда он задал Соловьеву вопрос: «Признаете ли Вы непогрешимость римского первосвященника?», Соловьев задумался и затем ответил: «Когда войско идет в бой, оно должно быть уверено в непогрешимости своего вождя».

Соловьев скрывал от своих русских друзей факт своего причащения у о. Толстого. <...>